

Жизненный и творческий путь Сергея Елисеева

С. И. Марахонова

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося японоведа XX в., всемирно признанного ученого и педагога, основателя дальневосточного направления исследований в США, создателя научного японоведения во Франции, одного из первых русских японистов Сергея Григорьевича Елисеева (Serge Elisséeff) (1889–1957). Осенью 1920 г. С. Г. Елисеев, выходец из богатейшей купеческой семьи, эмигрировал из Советской России, поэтому в СССР он был почти неизвестен. Очень нескоро достижения бывших российских граждан в области науки, техники, искусства и литературы были признаны на их первой родине, а сами они стали ее гордостью. Единственная в мире научная конференция, посвященная научной судьбе ученого, прошла в Москве в 1999 г. Несмотря на многочисленные доклады специалистов, журналистов и даже людей, когда-то знавших Елисеева, выяснилось, что жизненный и профессиональный путь востоковеда нуждаются в глубоком и тщательном изучении.

С этой целью автором статьи был произведен сбор документальных материалов из архивов и библиотек ряда стран мира, с которыми С. Г. Елисеев так или иначе был связан. На основе этих данных удалось восстановить научную биографию знаменитого японоведа. Был рассмотрен ранний период жизни Сергея Елисеева и причины формирования у него интереса к изучению Японии. Выявлены новые детали его обучения в Императорском Токийском университете, который Елисеев окончил в 1912 г. первым среди европейцев. Была прослежена карьера молодого ученого и преподавателя в 1915–1920 гг. в Петрограде, доказано значительное влияние профессионала Елисеева на развитие японоведения во Франции.

Документы из архивов США полностью подтвердили основополагающую роль Сержа Елисеева в создании научно-педагогического направления дальневосточных исследований в Гарвардском университете и в США в целом. Его недюжинные организаторские способности полностью

раскрылись в его руководстве Институтом Гарвард-Яньцзин по целому ряду направлений и в США, и в Китае, и в других азиатских странах. Показаны направления деятельности Елисеева в сотрудничестве со спецслужбами США во время Второй мировой войны, его роль в спасении Киото, Нара и Камакура от конвенциональных бомбардировок. Рассмотрен вклад ученого в распространение знаний о Японии, о японской ментальности в западном мире. В статье введен в научный оборот ряд новых источников.

Ключевые слова: Сергей Григорьевич Елисеев, японоведение, искусство Японии, японская литература, русская эмиграция в Париже, японоведение в Гарвардском университете, Институт Гарвард-Яньцзин, христианские университеты в Китае, ковровые бомбардировки Киото.

Автор: *Марахонова Светлана Ивановна*, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

E-mail: pet.1703@inbox.ru

Serge Elisséeff: Life and Career

S. I. Marakhonova

Abstract. This article was written in commemoration of Serge Elisséeff (1889–1975) – an outstanding 20th century Japanologist, the world-famous scholar and teacher, the founder of the school of Far Eastern studies in the USA, the organizer of academic Japanology in France, one of the first Russian Japanologists. In the autumn of 1920, he emigrated from the Soviet Russia, and was practically unknown in the USSR for this reason. The recognition of the achievements of Russian emigrants in the fields of academic science, engineering, art, and literature in their motherland, when they became its pride, required a lot of time. The only international conference devoted to Elisséeff’s academic path was held in Moscow in 1999. A series of reports was presented by academicians, journalists, and persons who had known Serge Elisséeff personally. Nevertheless, it became evident that his personal and professional life still needs further profound study.

For this purpose, the author collected many new documents in various archives and libraries of the countries somehow linked to Serge Elisséeff’s life. They formed a base for reconstructing the prominent scholar’s academic biography. The author reveals the early period of his life and the reasons for his interest in Japanese studies, and introduces some new details of his study at the Imperial Tokyo University (he graduated in 1912 as the first European graduate). The paper examines the Petrograd period of Elisséeff’s career in 1915–1920, when he was a

young scholar and professor, and proves his considerable professional contribution to the French Japanology.

Serge Elisséeff's fundamental contribution as the organizer of Far Eastern studies at Harvard and the U.S. in general was fully confirmed by the American archive documents. His extraordinary administrative abilities were revealed during his tenure as the Director of the Harvard-Yenching Institute, when he fulfilled a number of activities at Harvard, in China, and in other Asian countries. The paper considers Elisséeff's cooperation with the U.S. Secret Services during World War II, and shows his role in saving Kyoto, Nara, and Kamakura. The article also introduces Elisséeff's accomplishments in spreading the Japanological expertise and the knowledge of Japanese mentality in the West. A number of new scholarly archive sources are put in scientific circulation.

Keywords: Serge Elisséeff, Japanology, Japanese art, Japanese literature, Russian emigration in Paris, Japanology at Harvard University, Harvard-Yenching Institute, Christian universities in China, Kyoto carpet bombing.

Author: *Marakhonova Svetlana I.*, PhD in History.

E-mail: pet.1703@inbox.ru

Путь в профессиональные японисты

Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975) — один из первых в России и в мире японоведов, получивших профессиональную подготовку. Более того, Сергей Елисеев единственный из них получил специальное образование в Императорском Токийском университете, на отделении японской словесности историко-филологического факультета. Он был первым европейцем — выпускником этого элитного учебного заведения. В июле 1912 г. сам император Мэйдзи незадолго до своей кончины приветствовал, согласно традиции, молодого европейца в числе лучших выпускников университета. Сертификат об окончании университета датирован 10 июля 1912 г.

О выпуске Сергея Елисеева из японского университета вскоре стало известно в России. «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения» за 1912 г. на с. 300 сообщали: «В токиоском императорском университете окончил курс Сергей Елисеев, 23 л., по факультету японской словесности. До сего времени ни одному европейцу не удавалось окончить японский университет. Оканчивали индусы и китайцы. Таким образом, С. Елисеев является первым европейцем, удостоившимся получить ученую степень “бунгакуси”. Ученая степень “бунгакуси” молодому ученому присуждена

за литературную работу: “О поэзии Басио, великого народного поэта Японии”»).

По окончании аспирантуры в Токио Сергей Елисеев перед самым началом Первой мировой войны, в июле 1914 г., вернулся в Россию. Его планы совершенствовать свои знания в западном университете рухнули, зато декан факультета восточных языков Петроградского университета Н. Я. Марр был очень заинтересован в лучшем на тот момент знатоке современного японского языка. Правда, для того чтобы японский диплом был приравнен к диплому любого европейского университета, в связи с отсутствием прецедента потребовалось вмешательство министра народного просвещения и Высочайшее повеление. После прохождения необходимых формальностей — сдачи экзаменов по специальности и чтения двух публичных лекций — Елисеев в звании приват-доцента кафедры японской словесности был назначен преподавателем японского языка и литературы.

Благодаря шести годам обучения в японском университете, практическому знакомству со страной, ее культурой, искусством и традициями С. Г. Елисеев сформировался как востоковед-универсал, компетентный практически во всех областях японоведения. Дружба и тесное общение с выдающимся писателем Нацумэ Сосэки и начинающими авторами — членами его «Четвергового клуба» (кружок собирался по четвергам в доме писателя в горах) усилила его неослабевающий интерес к японской литературе. Недаром темой для дипломной работы Елисеев выбрал творчество замечательного средневекового поэта Басё. Уроки, которые он брал у мастера Кабуки, знакомство с артистами способствовали погружению в мир традиционного театра и увлечению его историей. Посещение храмов, монастырей, музеев и ремесленных производств, регулярные поездки по стране подготовили почву для изучения истории, географии и искусства Японии.

В Петрограде Сергей Елисеев, как и большинство представителей научной интеллигенции, и до революции, и после нее работал в нескольких учреждениях. Помимо университета он служил заведующим архивом в Азиатском музее Академии наук, читал курсы лекций по дальневосточному искусству в Институте истории искусств, а работая в Археологической комиссии, занимался розыском частных восточных художественных коллекций, их описанием и исследованием. Он состоял членом ряда научных обществ: Русского археологического, Русского географического, Русско-японского, Общества

востоковедения и даже такого необычного, как Общество окончивших университеты в Японии. Елисеев выступил там с рядом докладов по литературе, истории, искусству, географии, экономике Японии, о подписании союзного русско-японского договора 1916 г., об ученом и политике Араи Хакусэки.

Сергей Елисеев родился в Санкт-Петербурге в известной купеческой семье, одной из самых богатых в России. В 1907 г., окончив с золотой медалью Ларинскую гимназию, юноша отправился в Берлинский университет, чтобы в течение года получить там начальные знания японского и китайского языков. Конечной его целью был Императорский Токийский университет. В Берлине Сергея Елисеева неплохо подготовили по общетеоретическим предметам, в частности по сравнительной лингвистике индоевропейских языков, философии, эстетике, а также истории и искусству Японии и Китая. Однако преподавание японского языка оставляло желать много лучшего. В результате Елисеев отправился в Японию с почти нулевым знанием языка, и ему пришлось осваивать японский по учебникам для начальной школы. Доехав по Транссибирской железнодорожной магистрали до Владивостока, на корабле он добрался до японского порта Цуруга, затем до городов Майбара и Киото, откуда наконец приехал на поезде в Токио.

Желание Сергея Елисеева получить столь редкую и необычную специальность сформировалось постепенно, по мере того как усиливался его детский интерес к Японии. Причиной этого интереса были и потрясение от увиденного в павильонах стран Азии на Всемирной выставке в Париже (1900 г.), и посещение выставки коллекции японского искусства С. Н. Китаева в 1905–1906 гг., и просмотр японских художественных журналов. Мальчик и сам имел художественные наклонности и брал уроки рисования и живописи. С другой стороны, обладая способностью к научному анализу, он пытался понять причины поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Но без изучения Японии и японского языка это представлялось ему невозможным.

С большими сложностями Елисееву удалось поступить в Императорский Токийский университет на специальность «японская словесность». И тогда начались настоящие трудности: он почти ничего не понимал на лекциях, которые читались по-японски, японские студенты относились к нему настороженно, как к иностранцу, вокруг него был совершенно непривычный, особенный мир. Но благодаря

поддержке профессоров, помощи первоклассных репетиторов, почти круглосуточным занятиям к концу второго года обучения русский студент вышел на необходимый уровень. Он прошел школу у таких выдающихся ученых-филологов, как Уэда Маннэн, Хага Яити, Фудзиока Сакутаро, Фудзиока Кацудзи и др.

У Елисеева появились друзья. Одним из них был студент Комия Тоётака, ставший впоследствии известным филологом-германистом и писателем. Именно Комия ввел его в кружок Нацумэ Сосэки, с которым молодого русского связали тесные отношения. Писатель относился к Елисееву как к сыну, а тот считал себя учеником Нацумэ. Елисеев написал ряд заметок о современной русской литературе и опубликовал их в «Асахи симбун» в рубрике «Новые русские писатели». В этом ему помог Нацумэ Сосэки, который был редактором раздела «Литература и искусство» в этой газете. Русский студент печатался и в других изданиях, выступал и как театральный критик, пишущий о русском и японском театре.

В 1910 г. его отец Григорий Григорьевич Елисеев, блестящий предприниматель, благотворитель и общественный деятель, за заслуги на торговом поприще был возведен в потомственное дворянство со всем семейством. Так Сергей Елисеев стал дворянином, однако он предпочитал относить себя к классу буржуазии и вообще всегда придерживался либеральных взглядов. В феврале 1917 г. он горячо приветствовал русскую революцию, результатом которой стало свержение монархии. Большевицкий переворот вызвал у Елисеева отрицательные чувства, но он сотрудничал с новой властью, продолжая работать в прежних учреждениях, которые теперь стали советскими.

Его преподавательская и научная карьера складывалась довольно успешно, в Институте истории искусств он был избран профессором, в Археологической комиссии заведовал разрядом. По ряду причин в конце 1919 г. он остался единственным преподавателем японоведческих дисциплин в Петроградском университете. Начинаящий ученый написал целый ряд статей по искусству Японии и Китая: о монохромной живописи, о пейзаже и портрете, о скульптуре, о японском холодном оружии. Он первым из русских профессиональных японоведов затронул тему искусства Дальнего Востока. Ранее этим занимались западные искусствоведы, однако существенным преимуществом Сергея Елисеева перед ними было знание языка, что позволяло ему обращаться непосредственно к источникам и к работам японских ученых.

Важен был и его собственный опыт, накопленный во время жизни в Японии. Увы, ни одна из этих его работ не была опубликована ввиду материальных трудностей России тех лет. Ученый готовил к публикации монографию «История дальневосточного искусства» для известного издательства «Брокгауз и Ефрон», но отъезд Елисеева из Советской России помешал осуществить этот проект.

В университете Сергей Елисеев знакомил своих студентов не только с классической японской литературой, но и с современными произведениями, такими, как «Сансиро» и «Врата» Нацумэ Сосэки. Фрагмент рукописи перевода «Сансиро» на русский язык сохранился в архиве ученого. И останься он в Петрограде, мог бы стать первым переводчиком повести на европейский язык.

Литература была второй после искусства «японской страстью» молодого востоковеда. Впервые ступив на японскую землю в сентябре 1908 г., русский юноша понял или интуитивно почувствовал, что «в стране, где такое великое искусство, должна быть и великая литература» [Елисеев 1914, с. 30]. Тонкое восприятие литературных произведений, созданных в иной культурной среде, позволило Елисееву сформировать новые подходы к изучению японской литературы и выработать новые культурно-исторические и философские принципы исследования. В отличие от предшествующих европейских японоведов У. Астона, К. Флоренца, Б. Чемберлена, которые рассматривали японскую литературу в постоянном сравнении с привычными им понятиями и образцами литературы европейской, что приводило к недооценке первой, Елисеев предлагал относиться к японским произведениям как к совершенно особому культурному феномену вне западной литературной парадигмы. Начинающий ученый указывал на разницу во внутренней структуре европейских и западных произведений, главного и второстепенного, целого и частей. «Трудность понимания не в мирозерцании, которое отражается в литературе... Трудность в понимании чужих неведомых форм, где главное часто лежит не там, где бы оно находилось у нас, где писатель только слегка касается того, что европейцем воспринимается как самое важное. Отсюда другое восприятие частей и другое восприятие целого. Мы не должны подходить к японской литературе с нашими готовыми трафаретами и отвергать все то, что к ним не подходит, а, наоборот, должны стараться понять эти новые для нас формы, в которые она вылилась» [Елисеев 2000, с. 243].

Эссе «Японская литература» в сборнике «Литература Востока» — единственная опубликованная на русском языке работа С. Г. Елисеева [Елисеев 1920, с. 38–89]. Это был лучший в то время критический обзор японской литературы, сохранявший актуальность в течение нескольких десятилетий. В 1936 г., когда С. Г. Елисеев работал в Гарвардском университете, один из американских издателей планировал опубликовать сборник на английском языке, но издание не состоялось.

Эмиграция в Европу

Вплоть до весны 1919 г. Елисеев не решался уехать из Советской России в эмиграцию, опасаясь неизвестности и надеясь на поражение большевистской власти. Его семья, как и большинство жителей Петрограда, в течение нескольких лет переживала страшный голод, холод и неустроенность. Здоровье Елисеева, его супруги Веры Петровны и двух маленьких детей было серьезно подорвано. А в конце мая 1919 г. во время наступления на город войск генерала Юденича он был внезапно арестован как заложник. Десять дней он находился в военной тюрьме и был освобожден только благодаря хлопотам ученых коллег. Однако теперь ему угрожала опасность в любую минуту вновь подвергнуться аресту. Ученый дважды оформлял научную командировку в Европу вместе с семьей. В то время это был единственный легальный способ покинуть Советскую Россию. Когда обе командировки сорвались, было принято решение бежать тайно.

Ночью 23 сентября 1920 г. Елисеевы благополучно переправились на лодке контрабандистов через Финский залив в Финляндию. Вскоре они уже были в Швеции, где ученый сумел получить временную работу в Стокгольмском университете — чтение курса основ дальневосточного искусства (на немецком языке). В январе 1921 г. семья прибыла в Париж, где уже жила сестра Веры Елисеевой, а позднее поселился брат Сергея Николай Елисеев.

Вхождение в новую среду, безусловно, было непростым. Но положение Елисеева как востоковеда, специалиста в редкой научной области, одинаково приемлемой для любой европейской страны, выгодно отличало его от большинства русских эмигрантов. В отсутствие профессиональных японоведов в Париже — центре европейской синологии начала XX в., — он имел все основания занять лидирующее положение. Очень помогло и то, что Елисеев был знаком с французс-

кими востоковедами, а также с японцами — дипломатами, писателями, журналистами и учеными.

Наиболее стабильный доход Елисееву приносила работа переводчика в посольстве Японии и деятельность офицера связи в Международном институте интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций (L'Institut International de Coopération Intellectuelle). Одной из важнейших сфер его деятельности в институте было налаживание сотрудничества с рядом японских организаций, обеспечение представительства японских ученых на международных симпозиумах и пр. Японец Орест Плетнер, находившийся в Японии, свидетельствовал, что все японцы, командированные в Европу, в Париже проходили «через руки С. Г. Елисеева и находились у него на обучении» [Архив востоковедов Института Восточных Рукописей РАН – Письмо О. В. Плетнера В. М. Алексееву. Не датировано. По контексту — весна 1929 г. Не инвентаризировано]¹.

В академической среде Франции молодой русский ученый уже был известен как лучший знаток японского искусства и литературы. Он встретил теплый прием у Поля Пельо (Pelliot), Сильвана Леви (Levy), Анри Масперо (Maspero) и других востоковедов. Однако продвинуться по карьерной лестнице ему долгое время не удавалось по объективным причинам. Места были заняты другими людьми, пусть и серьезно уступавшими Елисееву в компетенциях, к тому же он был чужим, а французское гражданство получил только 23 июня 1931 г. Тогда он изменил написание своего имени с Serge Elis(s)éèv на Serge Elisséeff, под которым и приобрел мировую известность. Однако до его отъезда в США все же первое написание встречается чаще.

В 1921 г. Елисеев начал работать в Музее азиатского искусства Гимэ. Прослужив там до 1932 г., он не добился какой-либо серьезной должности, хотя руководство музея считало его «выдающимся специалистом». Он занимался инвентаризацией и каталогизацией японских книг, переводами японских документов и идентификацией ряда музейных предметов [Bibliothèque du musée Guimet, Paris — Correspondance administrative. 1907–1925. № 532]. Большой культурный резонанс имели лекции Елисеева по дальневосточному искусству,

¹ Документ введен в научный оборот в книге: С. И. Марахонова. Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. Санкт-Петербург: СИНЭЛ, 2016. Часть приведенных ниже источников также введена в научный оборот в указанной книге.

которые он читал в музее. Об этом стало известно даже в Петрограде благодаря заметке В. М. Алексеева «Русское востоковедение за границей», размещенной в журнале «Восток». «Как лектор он (С. Г. Елисеев. — С. М.) известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором» [Алексеев 1923, с. 132].

Музейная деятельность удовлетворяла интерес Елисеева к японскому (в широком смысле — к дальневосточному) искусству. За десятилетие пребывания во Франции ученым написал и опубликовал практически все свои искусствоведческие статьи. Большая их часть была издана в журнале *Revue des Arts Asiatiques*, который выходил с 1924 г. под эгидой музея Гимэ и музея китайского и японского искусства Чернуски.

Вместе с заместителем хранителя музея Гимэ искусствоведом Клодом Мэтром (*Maître*) Елисеев участвовал в издании ежемесячного журнала *Japon et Extrême-Orient*, который выходил при финансовой поддержке японского посольства, банка «Нитибуцу Гинко» и фирмы «Мицубиси» и свидетельствовал о возникшем во Франции глубоком интересе к японской культуре. В каждом номере журнала Елисеев представлял французскому читателю перевод какого-нибудь рассказа современных японских писателей: Акутагава Рюноске, Нагаи Кафу, Сига Наоя, Кубота Мантаро, Танидзаки Дзюнъитиро и ряда других. Часто это были первые в мире переводы этих авторов. Этими работами Елисеев зарекомендовал себя как великолепный литературный переводчик, по объективным обстоятельствам — из-за нехватки времени, которое он полностью посвящал своей основной работе, — не имевший возможности реализовать этот дар в дальнейшем. Елисеев также публиковал критические статьи о японской литературе и рецензии на научные работы. К сожалению, из-за внезапной смерти К. Мэтра издание журнала продолжалось всего год (с декабря 1923-го до декабря 1924 г.) и свет увидели только двенадцать номеров.

Русский ученый также много печатался в *Journal Asiatique*, который издавался таким солидным собранием, как Азиатское общество, созданное в Париже еще в 1822 г. Серж Елисеев состоял его членом с 1921 г.

В первые годы пребывания в Париже Елисееву удалось получить место внештатного преподавателя в Сорбонне, где он читал лекции по японской литературе разных периодов и курс по грамматике японского письменного языка. Но работа в Сорбонне, по-видимому, была недолгой.

С 1923 г. он служил в Школе живых восточных языков (*École des langues orientales vivantes*, современная аббревиатура INALCO), но сначала был не преподавателем японоведческих дисциплин, а экзаменатором. Один раз в год он принимал экзамены по японскому языку у студентов (29 мая 1923 г., 22 мая 1924 г., 13 мая 1925 г. и т. д. вплоть до 1930 г.). До Сержа Елисеева в 1921 и 1922 гг. экзамены принимал не профессиональный японовед, а французский консул в Японии месье Бургуа (*Bourgeois*) [Archives nationales, France — F17/13610].

С 1925 по 1934 г. русский эмигрант преподавал в Школе курс японской филологии. Однако он смог получить место преподавателя лишь на свободных (общедоступных) курсах восточных языков, организованных при Школе для широкой аудитории. Места же на японской кафедре, где обучались студенты, были давно и прочно заняты профессором-французом, бывшим консулом в Японии Жозефом Дотрмером (*Dautremer*) и репетитором-японцем Найто (*Naito*) Ёкити. В Национальном архиве Франции сохранились афиши, представлявшие программу свободных курсов конца 1920-х — начала 1930-х гг. Согласно им, в секции японской филологии господин Елисеев читал грамматику и историю японского литературного языка [Archives nationales, France — 62 AJ 70].

В феврале 1932 г. ситуация на японской кафедре резко изменилась: профессор Дотрмер вышел в отставку. На кафедре был объявлен конкурс на замещение вакансии, и, казалось бы, Елисеев имел все основания занять ее как японовед-профессионал и опытный преподаватель. Однако собрание профессоров-французов отдало предпочтение своему земляку Шарлю Агеноэру (*Haguénauer*), дипломату, секретарю Дома Франции в Токио, не имевшему опыта преподавания. За него было отдано десять голосов, а за Елисеева, который прошел вторым из нескольких претендентов, только пять. Сам Елисеев охарактеризовал Агеноэра так: «Он знающий японист, но лишенный искры, у него нет энтузиазма, и ученики Школы восточных языков жалуются, что он беспредельно скучен» [Дьяконова, Смирнов 2003–2004, с. 43–44]. Очень скоро Агеноэр стал ведущим французским японоведом, лингвистом и этнологом. Ряд лекций он прослушал у Елисеева.

По-видимому, в 1928 г. Сержу Елисееву было поручено чтение лекций по искусству Дальнего Востока в Школе Лувра. [Pouillon (ed.) 2008, p. 377]. Студентам он преподавал курс общей истории искусств, искусство Японии и искусство Китая. Известно, что во

втором семестре 1933/34 учебного года он читал курс китайской живописи. Читал Елисеев и публичные лекции, которые проходили в Школе Лувра каждое воскресенье в десять часов утра [Archives des musées d'État, France — F 26].

Добиться высокого положения, причем довольно быстро, ученому удалось только в Практической школе высших исследований (École Pratique des Hautes Études, EPHE) при Сорбонне. Как и в Школе живых восточных языков, он начал с чтения публичных лекций на свободных общедоступных курсах. С 1 февраля 1930 г. Серж Елисеев был назначен временным преподавателем вместо уехавшего коллеги и читал одну, затем две лекции в неделю по теме «Религии Японии». Сам ученый уточняет, что это были лекции по истории буддийского искусства, в особенности иконографии [Дьяконова 2000, с. 157, 162].

Весной 1931 г., когда в EPHE освободилось штатное место доцента (maître de conférences), Сильван Леви предложил кандидатуру Елисеева, однако и здесь коллеги выбрали не его, а начинающего французского преподавателя аннамитского (вьетнамского) языка Местра (Mestre). И только в конце 1932 г., с 1 ноября, Елисеев был назначен на должность ординарного профессора (directeur d'études) кафедры религий Японии (V секция) [Archives nationales, France — F17/27834].

Компетенции Сергея Елисеева как крупнейшего специалиста в области японского искусства были востребованы вскоре по его приезде в Париж. Он был приглашен к научному руководству выставкой современного (эпохи Мэйдзи, 1868–1912) японского искусства, которая прошла с 20 апреля по 30 июня 1922 г. в Гран-Пале. Подготовка и работа экспозиции проходили на самом высоком уровне — под покровительством Р. Пуанкаре, председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, Л. Берара, министра народного просвещения и изящных искусств, и посла Японии во Франции виконта Исии.

Елисеев был организатором и каталогизатором выставки, а профессионально подготовленный им каталог, по словам В. М. Алексеева, «чуть ли не впервые составленный лицом, соединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японоведении» [Алексеев 1923, с. 132].

Японская сторона отобрала для показа работы современных художников Кумэ (Kume) Кэйитиро, Вада (Wada) Эйсаку и Нагатоти (Nagatochi) Хидэта, мэтров Токийской школы живописи. Они некото-

рое время жили в Париже, брали уроки у французских художников и в своих произведениях придерживались канонов западного искусства. В Париж было доставлено 388 современных работ, включая картины, рисунки, свитки, кимоно и пр. Более ранний период истории Японии — XVII–XVIII вв. — был представлен только 97 предметами. Интерес у публики и критиков вызвали предметы традиционного искусства, знакомого им с последней трети XIX в. Современная же японская живопись, ранее неизвестная в Европе, была встречена прохладно.

В связи с этим монография Сергея Елисеева «Современная живопись в Японии» [Eliseev 1923], приуроченная к открытию выставки в Гран-Пале, имела огромное просветительское значение. Это был первый труд по искусству Японии данного периода, остававшийся единственным вплоть до конца XX в. В первой части книги Елисеев профессионально рассмотрел становление традиционной японской живописи с анализом особенностей различных художественных школ, жанров и стилей. Во второй и третьей частях автор исследовал процесс влияния западного искусства на японскую живопись эпохи Мэйдзи и проанализировал работы более чем 70 современных художников, принадлежавших к традиционному и западному направлениям. По словам современных искусствоведов, «он (Елисеев. — С. М.) занимает исключительно объективную позицию по отношению к дальневосточной эстетике, избегает априорных или ограниченных западным видением суждений. Его интерпретация сродни нынешним исследованиям в области японского искусства» [Шарье 2000, с. 104].

В дополнение к монографии Елисеев написал статьи, где затронул ряд вопросов дальневосточного искусства, которые не были освещены в книге: портретную живопись в Китае и Японии; особенности живописной школы Кано; японскую монохромную живопись. В них он использовал свои петроградские наработки — неопубликованные статьи и курсы лекций.

С. Г. Елисеев и в дальнейшем занимался организацией выставок и их научным руководством. Так, осенью 1931 г. он был назначен комиссаром выставки японского искусства, которая была задумана в Стокгольме Шведско-японским обществом. В задачу Елисеева, которого устроители выставки охарактеризовали как «глубокого знатока искусства и филологии», входил отбор предметов японской живописи, скульптуры, прикладного искусства и оружия, принадле-

жавших частным коллекционерам и общественным организациям в Швеции. Он также подготовил подробный каталог выставки, снабдив его серьезным введением. Выставка проходила под патронажем кронпринца Швеции Евгения и японского принца Титибу (*Chichibu*) и работала с 8 по 22 ноября 1931 г. Она имела, по словам самого Елисеева, неожиданно большой успех и вызвала интерес шведов к японскому искусству и вообще ко всему японскому.

Летом 1934 г. перед отъездом из Франции Елисеев подготовил экспозицию китайских бронзовых изделий в количестве 500 предметов (сосудов, ваз, оружия) в музее Оранжери. Тщательно изучив эти предметы, в специальной статье автор сделал выводы, которые способствовали облегчению датировки ваз и сосудов. В 1938 г., уже работая в Гарварде, Серж Елисеев принял участие в подготовке выставки скульптуры и изделий из бронзы в Нью-Йорке и подарил ее каталог Полю Пельо [*Bibliothèque du musée Guimet — Pel. 108 c. 1939. № 3 — Письмо С. Елисеева П. Пельо от 12 января 1939 г.*].

Многолетние исследования Сержа Елисеева в области дальневосточного искусства были обобщены в обширных главах о Китае и Японии в востоковедном томе многотомной «Истории искусств». Это было практически последнее серьезное обращение ученого к искусствоведческой тематике, итог его работы. Если особенности живописи, скульптуры, иконографии буддизма Елисеев ранее освещал неоднократно, то об архитектуре он первый и единственный раз написал в этих главах. В своих курсах лекций он всегда уделял ей большое внимание, так как считал, что именно архитектура более всего выражает общественные и классовые вкусы. Исследование японской архитектуры, представленное Елисеевым в книге, было одним из первых в западной историографии 1920–1930-х гг. Автор-японоведа сумел рассмотреть архитектуру Японии в социально-историческом контексте разных эпох.

Для престижного издания «Языки мира» Елисеев написал очерки о японском, корейском, айнском и гиперборейском языках. Он участвовал в фундаментальном труде «История и историки за последние пятьдесят лет (1876–1926)», в котором ему принадлежит большой раздел по историографии Японии.

В 1933 г. вышла в свет книга Сергея Елисеева с иллюстрациями Александра Яковлева о театре Кабуки². Правильнее сказать, что

² А. Iakovleff, S. Elisséeff. *Le Théâtre japonais (Kabuki)*. Paris: Meynial, 1933.

японоведа, увидев альбом с рисунками Яковлева, сделанными в Японии в 1917–1919 гг., написал для него научный текст. Издатель Жюль Меньяль (Meunial), возможно, отдал приоритет художественной составляющей книги, поставив фамилию Яковлева (вопреки латинскому алфавитному порядку) на первое место. Издание вышло очень небольшим тиражом и быстро стало раритетным.

Эта монография была первым в западной историографии научным трудом, специально посвященным истории и особенностям театра Кабуки и написанным профессиональным японоведом. Более того, ее создал не просто ученый, но человек, который сумел до определенной степени проникнуть в суть этого японского культурного явления, имея собственный опыт участия в нем. Находясь в юности в Японии, он настолько заинтересовался театром Кабуки, что сам стал брать уроки у мастера и чрезвычайно в этом преуспел. Он был прекрасно обучен танцам, мог воплотить любой сценический образ, был знаком с актерами. Молодой русский исполнял танцы даже во время собрания кружка Нацумэ Сосэки.

Любопытно, что сотрудники посольства Японии в Париже в 1920-е гг. обращались к Сержу Елисееву за консультацией, как осуществить постановку Кабуки [Комия, Абэ, Накамура 1953, с. 19]. Определенная артистичность и интерес к театру вообще сформировались у ученого в детстве, поскольку в его семье дважды в год было принято ставить самодеятельные спектакли с участием взрослых и детей. Его мать М. А. Елисеева выступала в своем любительском театре. Сохранилась старая фотография, где она играла в комедийной пьесе Е. Н. Залесовой «Теща в дом — все вверх дном», популярной в конце XIX в. [Личный архив Ярослава Елисеева]. Младший брат Петр Елисеев, бывший офицер, после революции 1917 г. актерствовал под псевдонимом Каменский до своей высылки из Ленинграда в 1934 г. Сергей Елисеев с супругой Верой в Париже в начале 1930-х гг. принимали участие в деятельности некоего «античного театра» при Сорбонне. Известно, что Сергей изготовил декорации, а Вера сшила византийские костюмы. Весьма возможно, что они также играли в спектакле. В дальнейшем, уже проживая в США, в 1935 г. они репетировали роли в какой-то постановке в Гарварде [Archives de l'École française d'Extrême-Orient — Фонд В. С. Елисеева. Не инвентаризирован].

Итак, в начале 1930-х гг. русский японоведа занял прочное положение в востоковедной среде Франции и своими профессиональными

исследованиями заложил основы научного японоведения. Десятилетие во Франции оказалось очень благоприятным для Елисеева-ученого. Основная масса его работ была создана и увидела свет именно в то время. Он был вполне доволен и своим местом заведующего кафедры религий Японии в Практической школе высших исследований. Очевидно, в будущем Елисеева ожидала неплохая карьера во Франции, но неожиданное предложение из-за океана кардинально изменило его жизнь.

Переезд в Америку

В 1928 г. при Гарвардском университете в США был создан частный Институт Гарвард-Яньцзин. Его целью, изложенной в меморандуме от 1925 г., было развитие и совершенствование высшего образования в Китае в области традиционной культуры (литература, искусство, история, лингвистика и пр.). Указывалась возможность сотрудничества и с другими странами Восточной Азии. Прежде всего речь шла об оказании финансовой и научной поддержке шести христианским университетам (Яньцзинский университет под Пекином и др.) и ряду колледжей в Китае. Необходимо было обеспечить качественное обучение китайских студентов в области китаеведения как в самом Гарвардском университете, так и в магистратурах христианских университетов в Китае, которые предстояло создать с помощью западных ученых. Поэтому равнозначной задачей института была организация дальневосточных исследований высочайшего уровня в самом Гарварде [Harvard University archives — HUF 890.140.32].

Пост первого директора Института Гарвард-Яньцзин попечительский совет (Trustees) предложил выдающемуся французскому китаеведу Полю Пелью. Однако тот отказался и посоветовал вместо себя Сержа Елисеева. Елисеев был приглашен в Гарвард в качестве профессора на 1932/33 учебный год прочитать ряд лекций по истории Японии. Он также вел практические занятия со студентами по современному японскому и китайскому историческому текстам. В Институте Лоуэлла (Lowell) в Бостоне ученый выступил с курсом из восьми публичных лекций о японской литературе и ее отражении в искусстве. Свои хорошие организаторские способности Елисеев проявил, подготовив программы занятий по китайскому и японскому языкам,

высказав соображения о возможности издания научного журнала по Дальнему Востоку и составив список книг по японоведению для библиотеки института.

Серг Елисеев произвел весьма положительное впечатление на членов попечительского совета Института Гарвард-Яньцзин высоким профессионализмом, заинтересованностью, целеустремленностью и преданностью делу. Смущала только его квалификация япониста, а не китаиста и негативное отношение китайских коллег к человеку, который получил высшее образование в Токио. Однако это небольшое противоречие было с легкостью снято утверждением, что деятельность директора института будет проходить прежде всего в США, а в Китае будут работать другие люди, получившие предварительную подготовку в Гарварде. Попечительский совет утвердил кандидатуру Елисеева.

Еще год ученый проработал в Париже, мучительно обдумывая судьбоносное решение. Теперь у него была кафедра, где он читал курс по буддийской иконографии, он привык «к постоянному личному общению со светилами дальневосточной науки», отлично чувствовал бы себя «последним в Риме» и не стремился бы быть «первым в деревне» [Дьяконова, Смирнов 2003–2004, с. 43]. Но денег, достаточных, чтобы дать сыновьям высшее образование, Елисеев во Франции не имел возможности заработать. Эта причина, по-видимому, сыграла основную роль в принятии решения о переезде в США. Но и стоящие перед ним грандиозные задачи, как педагогические, так и организационные, безусловно, были для Елисеева привлекательны.

Поль Пельо развеял сомнения Елисеева, посоветовав ему следующее: «...Если я смогу устроиться в Харварде на более выгодное место и если мне это покажется интереснее, чтобы я не стеснялся, так как это также важно для японистики» [Дьяконова 2000, с. 157]. Обращаясь 18 июля 1934 г. к министру национального образования Франции с просьбой разрешить принять предложение Гарварда, Елисеев поясняет, что «эта миссия служит делу Франции, хотя и в стенах американского университета» [Archives nationales, France — F17/27834]. Недаром в 1949 г. Франция наградила ученого своим высшим орденом — Почетного легиона — именно в номинации «Профессор факультета естественных и гуманитарных наук Гарвардского университета (США)». Награда была ему присуждена по представлению МИД Франции.

Вступив с 1 октября 1934 г. в должность директора Института Гарвард-Яньцзин и одновременно профессора дальневосточных языков Гарвардского университета, Елисеев считался состоящим в командировке, которая с постоянными продлениями составила целых 23 года. Таким образом, Серж Елисеев был не только первым директором института, но и занимал свой пост дольше всех последующих директоров.

Всего за один год Елисеев существенно реорганизовал преподавательскую работу на факультете искусств и наук Гарвардского университета. Были дополнены и переформатированы курсы китайского языка. Появились курсы китайского начального, среднего и продвинутого (advanced) уровней, интерпретации древнего китайского текста, историографии, истории отдельных династий. Были введены программа эволюции китайского искусства с древности до современности, спецкурс по чтению и исследованию текстов, который отсутствовал в других университетах.

С изучением японского дело обстояло гораздо хуже. Поэзию и религию Японии в Гарварде изучали с 1895/96 учебного года — всего 61 человек за все годы до начала 1930-х. И хотя в начале 1900-х гг. на высоком научном и административном уровне поднимался вопрос об учреждении должности профессора японского языка и литературы, курс начального японского языка и чтения был введен только в 1931/32 г. Преподавателем был японец Кисимото (Kishimoto) Хидэо, бывший преподаватель философии в Токийском императорском университете. В следующем году Кисимото ввел еще два курса: историю японской цивилизации и историю японских религий. Но в 1934/35 г. он навсегда покинул Гарвард. За три года работы Кисимото заложил только самые начала японоведения, а настоящее изучение языка и всех других японистических дисциплин получило там быстрое развитие позднее — усилиями Сержа Елисеева.

Елисеев открыл курсы начального и среднего уровней японского языка, японской литературы, истории Японии и искусства ряда стран Дальнего Востока со значительным уклоном в архитектуру. Первые годы все предметы профессор читал сам, имея большую педагогическую нагрузку — 12 часов в неделю. Затем вместе с ним начали работать Симояма (Shimoyama) Сигэмару, Эдвин О. Рейшауэр (Reischauer), еще позднее — Т. Ёсихаси (Yoshihashi), Маккензи (McKenzie), В. Х. Вилельмо (Vilhelmo) и Беннетт (Bennet). В 1939 г. было

создано отделение дальневосточных исследований с постепенно возрастающим количеством сотрудников.

Серж Елисеев был пионером не только в ряде научных исследований, где он предлагал совершенно новые, нетрадиционные подходы. В Гарварде он использовал необычную методику преподавания дальневосточных языков, принципиально отличную от прежней. В западных университетах было принято тщательно изучать древние языки, учителя и ученики редко владели современными разговорными языками. Елисеев в основу положил изучение современных языков, японского и китайского, и уже на их основе знакомил студентов с традиционной культурой этих стран и более ранними формами языка. Он создал новый стандарт обучения на Западе, который с успехом применяли его ученики. Профессор воспитывал в студентах уверенность в себе, умение читать, анализировать и интерпретировать восточные тексты, правильно их переводить, пользоваться словарями.

Курируя, как директор Института Гарвард-Яньцзин, программы преподавания в христианских университетах Китая, Елисеев пытался внедрить в них западные методики обучения и уравновесить традиционное для изучения китайского преимущественное обращение к художественной литературе чтением исторических работ, и прежде всего первоисточников. С началом в 1937 г. Японо-китайской войны, когда часть подчиненных Гарварду университетов и колледжей оказались на оккупированной территории, их американским попечителям, и в первую очередь Сергею Елисееву как исполнителю, пришлось заниматься реорганизацией учебных заведений, пересмотром программ и обеспечением большей, нежели обычно, финансовой поддержки.

Одну из важнейших своих задач Елисеев видел в создании в Гарварде крупнейших американских центров японоведения и китаеведения. Успеху этого начинания способствовало бы основание научного журнала, где ученые наряду со студентами имели бы возможность публиковать свои статьи, посвященные Китаю, Японии, Корее, Индии и другим азиатским странам. Первый номер журнала *Harvard Journal of Asiatic Studies* вышел в свет в апреле 1936 г. Специально для этого номера Сергей Елисеев написал статью *The Bommokyo and the Great Buddha of the Todaiji*. До конца года вышло еще три номера. С тех пор издание журнала стало регулярным, и сегодня детище профессора Елисеева является одним из наиболее авторитетных научных изданий в области востоковедения.

За годы пребывания Сержа Елисеева в Гарварде он так успешно организовал работу по пополнению научной библиотеки Института Гарвард-Яньцзин редкими книгами на восточных языках, рукописями, ксилографами, работами западных авторов, что сделал ее лучшей востоковедной библиотекой в Западном полушарии. По количеству томов она уступала только библиотеке Конгресса США. Библиотека вела свою историю с 1879 г., когда было приобретено небольшое количество китайских книг. В 1927 г. в библиотеке насчитывалось 4526 книг на китайском и 1668 книг на японском языке. На 1 июля 1956 г. в библиотеке хранился 299 841 том на языках Восточной Азии, из них на китайском языке было 231 189, на японском — 56 381 издание [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report, November 14, 1956].

В соавторстве с Э. О. Рейшауэром и Т. Ёсихаси в 1940-е гг. Елисеев подготовил ряд учебников японского языка для студентов университетов и колледжей и хрестоматий японских текстов.

Деятельность Елисеева во время Второй мировой войны

С началом Второй мировой войны, в особенности войны на Тихом океане, отделение дальневосточных языков помимо обычных программ работало по специальным программам подготовки лингвистов и переводчиков с японского и китайского языков. Первые такие ускоренные курсы были организованы летом 1941 г. в Корнелльском университете в Итаке. Китайский язык преподавал профессор Корнелльского университета Питер Будберг (Woodberg), а для японской группы, которая состояла из восьми студентов, был приглашен Серж Елисеев [Archives de l'Ecole française d'Extrême Orient — Фонд В. С. Елисеева].

Осенью 1941 г. по контракту с Морским министерством в Гарварде и в Калифорнийском университете в Беркли были срочно организованы ускоренные курсы японского и китайского языков. В Гарварде было 25 курсантов, и, занимаясь по пять часов каждый день под руководством Елисеева, Рейшауэра и других преподавателей, лучшие из них за девять месяцев освоили разговорный японский. Однако профессор Елисеев разочаровал военных, так как не хотел менять свою методику академического, неспешного и высокотеоретического

преподавания ради быстрого обучения военных переводчиков. В результате военные перестали сотрудничать с Гарвардским университетом, контракт был расторгнут в сентябре 1942 г. [McNaughton 1952, p. 58].

Тем не менее в 1943 г. Гарвардский университет был вовлечен в программу подготовки разнообразных специалистов в области техники, медицины и гуманитарных предметов для нужд армии (Army School Training Program). На интенсивных курсах разговорного языка (по 30 классных часов занятий в неделю без изучения иероглифов) более 20 курсантов изучали китайский язык, несколько человек — японский. Наиболее толковые за девять месяцев осваивали простой разговорный язык и могли переводить с японского или китайского. В 1943–1946 гг. Серж Елисеев один вел четыре языковых класса. Всего в США по этой программе прошли подготовку около шести тысяч человек [Harvard University archives — UAV 344; Elisséeff 1949 p. 259].

Продолжали свою деятельность и регулярные академические курсы японского языка. Посещаемость их сильно увеличилась, в 1941–1945 гг. обучались 237 студентов. Естественно, Елисеев вел там целый ряд занятий. Чтобы быстрее подготовить специалистов, к учебному году добавили летний семестр продолжительностью 12 недель, к тому же занятия проводили более интенсивно.

Осенью 1943 г. профессор Елисеев был привлечен к работе в Управление стратегических служб (Office of Strategic Services) в Вашингтоне. При такой загруженности в университете он мог приезжать в Вашингтон только на один день — в субботу, проводя при этом две ночи в поезде. Ему была предложена работа консультанта в отделе пропаганды (Moral Operations Branch) — в частности, для оказания помощи в ведении информационной войны с Японией. По мнению представителей спецслужб, «С. Елисеев, безусловно, является одним из самых компетентных специалистов, способных дать нам необходимые советы в данной области...» [National Archives and Records Administration — RG226 E92A B102 F2131]. Он был допущен к работе только после всесторонней проверки его благонадежности, причем было тщательно взвешено то обстоятельство, что его сыновья находились в оккупированной нацистами Франции.

В обязанности Елисеева в отделе пропаганды входило проведение индивидуальных занятий с сотрудниками и общих встреч для решения специальных вопросов. Он консультировал по японскому

языку, литературе, традициям и обычаям, особенностям менталитета японцев и их реакции на пропаганду. Эти сведения были полезны для подготовки листовок, разработки сюжетов для слухов и создания программ «черного радио». У сотрудников отдела было три варианта сценария информационных вбросов: «черная пропаганда», то есть дезинформация в чистом виде; «черная пропаганда» в ответ на японское вещание и внезапные перебивки японских программ. Необходимо было также получить рекомендации профессора относительно фотографий и карикатур, текстов предложений о сдаче, которые транслировались на линию фронта.

Серж Елисеев как русский, как гражданин Франции и как американский профессор считал свою помощь спецслужбам против милитаристской Японии очень важной как для США, так и для Советского Союза и для себя лично. Но как японовед, знающий ценность древних японских памятников для мировой культуры, он стремился предотвратить их разрушение. Он прекрасно понимал, что гибель таких священных для каждого японца городов, как Киото, Нара и Камакура, серьезно осложнит процесс восстановления отношений США с Японией после войны. Результатом этого может стать разворот Японии в сторону СССР.

По его собственным словам, Елисеев обращался по этому вопросу к военному командованию. В 1972 г. в разговоре с японским журналистом он так описывал те давние события: «Во время Второй мировой войны американцы всю бомбили Японию, но Киото этот ужас миновал. Я работал тогда в исследовательском центре Яньцзин при Гарвардском университете и обратился к американскому военному командованию с рекомендацией воздержаться от бомбардировок Киото, ибо этот город — культурное достояние страны, а уничтожать культурные памятники нельзя» [Умэда 2000, с. 107].

К тому же, работая с офицерами спецслужб, Серж Елисеев имел все возможности сформировать у них правильный образ Японии и объяснить им особенности японского восприятия религии, природы, искусства и красоты вообще. Аргументы Елисеева против ковровых бомбардировок Киото, возможно, были доведены до Генри Стимсона, министра обороны США. И хотя целью американцев было «не оставить камня на камне» от большинства японских городов и Токио был практически стерт с лица земли, Киото, Нара и Камакура избежали разрушений.

Безусловно, не один только Серж Елисеев боролся за спасение японских святынь. Например, в одном из журналов, издаваемых музеем Гимэ, сказано, что Серж Елисеев вместе с Лэнгдоном Уорнером (Warner) спас от воздушных бомбардировок такие замечательные японские города, как Нара и Киото — культурное достояние страны [In Memoriam 1976, p. 287–288].

Л. Уорнер, гарвардский профессор археологии и истории дальневосточного искусства, куратор отдела восточного искусства музея Фогг в Гарварде, во время войны работал в специальном подразделении американской армии. Отдел монументов, изящных искусств и архивов (Monuments, Fine Arts and Archives) занимался сохранением культурных ценностей в местах боевых действий, на оккупированных и освобожденных территориях.

Делом сохранения памятников занимались и другие структуры. Так, 21 января 1944 г. в Вашингтоне под эгидой Американской комиссии научных учреждений была проведена конференция по защите культурных ценностей на Дальнем Востоке. Наряду с другими деятелями науки и культуры в ней должны были принимать участие Серж Елисеев и Лэнгдон Уорнер. Основным вопросом конференции было обсуждение программы помощи тем территориям Восточной и Юго-Восточной Азии, которые подверглись (или могут быть подвергнуты) нападению со стороны сухопутных и военно-морских сил, а также бомбардировкам с воздуха. Гарвардской группой организации по защите Америки (American Defence, Harvard Group) были составлены списки наиболее значимых памятников в ряде стран. Списки по Японии, Китаю, Корее и Сиаму были подготовлены Л. Уорнером. Однако ни он, ни Елисеев не смогли присутствовать на конференции, и мы никогда не узнаем, что каждый из них собирался сказать по поводу спасения культурных памятников [National Archives and Records Administration — Conference on Protection of Cultural Treasures in the Far East under the Auspices of the American Council of Learned Societies Century Club. Washington, 21 January 1944. American Commission document].

27 апреля 1945 г. Киото как многомиллионный город с большим количеством промышленных предприятий был включен в список целей для атомной бомбардировки под номером два. Но в конце июля во время мирной конференции в Потсдаме президент Г. Трумэн и министр обороны Г. Стимсон исключили Киото из этого скорбного

списка, повторив почти дословно аргументы С. Елисеева. В дневнике за 24 июля Стимсон написал: «...Если исключение не будет произведено, то горечь, которая последует за этим актом вандализма, скорее всего, сделает невозможным примирение японцев с нами на долгие послевоенные годы» [Stimson's diary 1945]. Г. Трумэн в своем дневнике 25 июля подтвердил эту позицию: «...Мы как мировой лидер, выступающий за всеобщее благополучие, не можем сбросить эту ужасную бомбу как на бывшую столицу (Киото), так и на настоящую (Токио)» [Bernstein 1980, p. 34].

Серж Елисеев проработал в отделе пропаганды Управления стратегических служб около года, но вынужден был прекратить сотрудничество с ним ввиду необходимости выполнения другой задачи армейского командования. Осенью 1944 г., когда исход войны стал практически ясен, в Гарвардском университете (наряду с пятью другими университетами США) была внедрена специальная программа школ подготовки по гражданским вопросам (Civil Affairs Training Schools). Это была программа обучения офицеров, которым в будущем предстояло работать в оккупированных союзными войсками Германии и Японии. В Гарварде готовили специалистов для Японии, владеющих разговорным языком и знакомых с особенностями страны.

Последние годы в Гарварде

После войны расстановка сил в мире изменилась, и в меморандуме «Азиатские исследования в Гарварде», написанном Сержем Елисеевым при участии китаиста Дж. К. Фэйрбэнка (J. K. Fairbank), были намечены новые направления азиатских исследований: арабские страны, Иран, Турция, Корея, Монголия, Индия, а также азиатская часть СССР. Этим задачам удовлетворяло введение в течение 1940–1950-х гг. на отделении дальневосточных языков преподавания монгольского, корейского, тибетского, вьетнамского, персидского языков и языков Индии.

В связи с образованием в 1949 г. КНР политика Института Гарвард-Яньцзин по отношению к курируемым христианским университетам в Китае радикально изменилась. Вмешательство коммунистических властей в учебные программы, их идеологизация сделали помощь института невозможной. Правление приняло решение прекратить деятельность института в Китае и перенести свои проекты

в другие страны: Японию, Корею, Индию и Гонконг. Работать можно было лишь с теми учреждениями, которые были связаны с христианским миссионерством или церковью [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report from November 5, 1951, list 118, 122–124].

В январе 1953 г. директор Елисеев прилетел в Японию после долгого перерыва, чтобы прояснить ситуацию и определить учебные заведения, с которыми предполагалось сотрудничать. Он также прочитал несколько лекций в учебных заведениях. Во время работы в архиве Сэйкадо в Токио ему посчастливилось найти книгу выдающегося средневекового ученого, политика и государственного деятеля Араи Хакусэки, лекцию о котором молодой японовед когда-то давно прочитал в Петрограде.

По приезде из Токио в Киото на вокзале ученого встречали восемь известных японских профессоров и фотограф из «Асахи симбун». Фотограф запечатлел Елисеева, пожимающего руку профессору Умэхара (Umehara) [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient].

Елисеев остановил свой выбор на Японском международном христианском университете в Токио и Токийском женском христианском колледже Тоё Бунко, а также университете Досия в Киото и Исследовательском институте гуманитарных наук (Восточная секция) при университете Киото. В обязанности института входило обеспечение всех этих университетов необходимой литературой и создание программы обмена профессорами между христианскими учебными заведениями [Archives of the Harvard-Yenching Institute — Report from March 25, 1954, p. 329]. Последний раз Серж Елисеев побывал в Японии весной 1955 г. с целью проверки учебных заведений, которые получали гранты от Института Гарвард-Яньцзин.

В августе 1956 г. профессор Елисеев в возрасте 67 лет передал пост директора Института Гарвард-Яньцзин Э. О. Рейшауэру, но остался преподавать в Гарвардском университете еще на один учебный год. Летом 1957 г. он вышел в отставку и вместе с супругой навсегда вернулся во Францию, гражданином которой оставался до конца жизни.

Более 23 лет связывали Сержа Елисеева с Гарвардом, и заслуги его перед научным сообществом неоспоримы. Реализовав свои способности организатора учебного процесса, он создал в университете крупнейший в США центр дальневосточных исследований, прежде всего в области японоведения и китаеведения. Отделение дальневосточных языков начиналось в начале 1930-х гг. с одного, затем двух-

трех преподавателей. В 1950-е число профессоров и преподавателей колебалось от семи до двенадцати человек, еще несколько работали вне штата. Читали не только разные аспекты языков, но и литературу, историю, другие страноведческие дисциплины. Среди воспитанников Елисеева значатся такие известные фигуры, как Г. С. Хиббетт (H. S. Hibbett), М.Б. Янсен (M. B. Jansen), Д. Х. Шивли (D. H. Shively), П. Акамацу (P. Akamatsu), А. Райт (A. Wright), Д. Кин (D. Keen), Г. Розовски (H. Rosovsky).

Число студентов-востоковедов в Гарварде в 1930–1950-е гг. выросло в десятки раз. В течение десятилетия 1950–1960 число студентов (1028) превысило их число (908) за все предыдущие 55 лет. Если в 1930–1935 гг. было 36 студентов-японоведов, то в 1956–1960 гг. — 627 [The Edwin Reishauer Institute 1996, p. 24]. Ученики запомнили своего учителя как увлекающегося, энергичного, полного жизни человека с широким кругозором, мягким чувством юмора, прекрасного специалиста, любящего и уважающего своих питомцев. Они отмечали его блестящий ум, теплоту и присущую ему «изюминку» во всем, чем он занимался, а также особенно подчеркивали деликатность и чуткость Сержа Елисеева, который создал в Гарварде особую атмосферу преподавания [Akamatsu 1975, p. 205; Harvard University Gazette 1977]. В 1944 г. в номере газеты Harvard Alumni Bulletin, посвященном десятилетию его деятельности в Гарварде, подчеркивалось, что делом жизни профессора Сержа Елисеева стала интерпретация восточного образа мыслей в западном мире.

Провожая Сержа Елисеева, президент Гарвардского университета Натан Пьюзи (Pusey) подчеркнул, что в Гарварде «ни в одной области не были достигнуты более плодотворные результаты, чем в дальневосточных исследованиях, проводившихся под Вашим (Елисеева. — С. М.) внимательным руководством и вдохновленных Вашей высокой эрудицией» [Reischauer 1957, p. 28]. Свою благодарность профессору выразили и члены Нью-Йоркского Выездного (Visiting) комитета, связанного с Гарвардом. В приветственном письме говорилось: «То, что Гарвард сейчас представляет собой в области исследования дальневосточных цивилизаций, является целиком Вашей заслугой и Вашим достижением. Члены комитета хотят, чтобы Вы знали, что они высоко ценят Ваши заслуги, и поскольку Вы заканчиваете Вашу почти четвертьвековую деятельность в Гарварде и возвращаетесь к работе в Париже, они хотят выразить Вам свою признательность,

восхищение и дружеское расположение» [Archives de l'Ecole française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

На Серже Елисеева как на первого директора Института Гарвард-Яньцзин лег основной груз разработки и внедрения образовательных программ в христианских университетах Китая. Будучи многолетним директором института, он столкнулся с необходимостью серьезных изменений в организации учебного процесса во время Японо-китайской войны 1937–1945 гг., когда большая часть Китая была оккупирована. Когда после Второй мировой войны изменилась расстановка сил в мире, директору и вовсе пришлось радикально изменить стратегию деятельности института и искать партнеров в иных, чем прежде, странах. Серж Елисеев достойно справился с этими вызовами и передал Э. О. Рейшауэру успешно работающее учреждение.

Прошло более 60 лет с тех пор, как Серж Елисеев уехал из Гарварда, в этом году исполняется 45 лет со дня смерти ученого. Ушли из жизни почти все его ученики, немного осталось и тех, кто видел Елисеева в последние годы его жизни. Институт Гарвард-Яньцзин, многим обязанный Елисееву, уже давно кардинально изменил свою направленность и теперь занимается только китайскими исследованиями. Созданный Эдвином О. Рейшауэром в Гарварде в 1973 г. Институт японских исследований (The Reischauer Institute of Japanese Studies) — один из старейших в мире центров японоведения — теперь носит имя первого ученика С. Елисеева. Имя Сержа Елисеева увековечено лишь фондом японской коллекции его памяти, созданным в начале 2000-х гг. в честь 75-летия библиотеки Института Гарвард-Яньцзин. А в кабинете нынешнего директора института висит большой портрет ученого. В историческом здании Бойлстон-холла (Boylston Hall), где размещался Институт Гарвард-Яньцзин, его библиотека, а также отделение дальневосточных языков при Серже Елисееве, теперь находится факультет искусств.

Снова во Франции

С выходом Елисеева в отставку в Гарварде и возвращением в Париж его карьеру, в общем, можно считать законченной. Официально он мог претендовать на возвращение на прежнее место службы в Практической школе высших исследований, поскольку все долгие двадцать с лишним лет считался ее командированным в США сотруд-

ником. По закону его должны были восстановить в должности при первой же вакансии. Однако повторилось то же, что было в начале 1920-х гг., когда русский эмигрант-японист только начал «завоевывать» академический Париж, претендуя на рабочие места французских граждан. Теперь причина была глубже и значительнее: в Париж вернулся ученый, сделавший себе имя в США, создатель центра дальневосточных исследований в Гарварде, многолетний директор успешного учреждения, имеющий обширные связи в ряде стран Азии. И, как обычно, зависть и боязнь потерять место сыграли свою роль. А некоторые из французских японистов по приезду Елисеева из США просто стеснялись с ним общаться из-за его блестящего знания японского [Мацубара 1977, с. 142]. Президент V секции Практической школы А. Ш. Пюэш (Puech) заявил в письме министру национального образования, молодежи и спорта 23 декабря 1958 г., что вакансия отсутствует, а место Елисеева давно уже занято Ш. Агеноэром [Archives nationales, France — F17/27834]. Представляется, что главная причина была не в этом, а в напряженных отношениях Сержа Елисеева с администрацией и преподавательским составом школы. Вопрос восстановления Елисеева обсуждался на официальном уровне еще в начале 1950-х гг., в преддверии его отставки из Гарварда. В письме министру от 7 января 1952 г. проявилось неприязненное отношение к ситуации со стороны Пюэша: «Елисеев уже давно не относится к персоналу нашей секции... Попытки его восстановления делаются вопреки консультациям с Бюро секции, которое полагает, что Елисеев не имеет к ней никакого отношения» [Archives nationales, France — F17/27834]. В другом письме министру Пюэш заявил, что «коллеги сочли обстоятельства отъезда ученого из Практической школы высших исследований (в 1934 г. — С. М.) неприятными». Сам же он не смог предоставить властям элементарные сведения об ученом — дату и место рождения и адрес, потому что не поддерживал ни малейших отношений с ним.

Приказом министра национального образования Серж Елисеев был восстановлен в Практической школе с 1 октября 1957 г., но не смог вернуть прежний статус, сначала будучи дополнительным преподавателем или ординарным профессором без жалованья, а затем ординарным профессором первого класса (как раньше), но в другой секции. В секции истории современной Японии Елисеев один раз в неделю читал лекции по истории периода Токугава. Результаты

своих исследований он планировал опубликовать в книге [Archives de l'École française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

В Школе живых восточных языков ученый читал курс лекций по японской литературе, правда, очень непродолжительное время [Мацубара 1977, с. 153]. Еще несколько лет по возвращении во Францию Елисеев был достаточно активен, хотя публиковался мало, в основном был автором предисловий к ряду изданий. Однако совершенно необходимо упомянуть одну из его работ тех лет. В 1961 г. тремя выпусками в серии «Общая история литератур» вышел в свет его очерк «Японская литература», который стал итогом его многолетнего анализа японских литературных произведений. Особенности произведений он рассмотрел в культурно-историческом контексте их создания, привел жизнеописания их авторов. Начав с рассмотрения древних и средневековых сочинений, автор довел свое исследование до новейшей литературы, созданной после 1945 г.

Серж Елисеев был избран членом-корреспондентом одной из французских академий, а также почетным членом Французской школы дальневосточных исследований. Его научные, педагогические и организаторские заслуги получили высокую оценку во Франции, и помимо ордена Почетного легиона он был награжден орденом Академических пальм.

Президент Французской Республики генерал де Голль с супругой пригласили Сержа Елисеева, профессора Сорбонны, с супругой на завтрак в Елисейский дворец в четверг 20 июля 1961 г. к 13:15 [Archives de l'École française d'Extrême-Orient – Фонд В. С. Елисеева].

В 1964 г. в возрасте 75 лет Серж Елисеев покинул службу ввиду серьезной болезни, но оставался в курсе всех научных новинок и много читал современной японской художественной литературы. Вел активную переписку с коллегами-японоведами, в частности из СССР, принимал у себя японских друзей и знакомых.

Еще одной очень важной заслугой Елисеева было создание научной династии. Оба его сына также стали выдающимися востоковедами, учеными и преподавателями: Никита (1915–1997) — специалистом по Ближнему Востоку, а Вадим (1918–2002) — по Дальнему Востоку.

За основание научного японоведения, за распространение знаний о Японии в других странах мира в 1968 г. ученый стал одним из иностранных кавалеров ордена Священного сокровища 2-й, высочайшей

для иностранца, степени. Серж Елисеев написал об этом в письме Оресту Плетнеру от 4 апреля 1969 г.: «...Вчера был прием в японском посольстве. Я, к сожалению, из-за моей болезни (cox arthrose) не мог присутствовать, и орден “Священного сокровища” был передан Вадиму. Никита, который приехал из Лиона на пасхальные каникулы, присутствовал там и сказал мне, что посол Мацуи, передавая орден Вадиму, сказал очень приветливое слово. Орден 2-й степени, это уже звезда, которую носят сбоку в торжественных случаях. Я никак не ожидал такой высокой монаршей милости. Дед ныне царствующего императора присутствовал на университетском акте 1912 г., когда я получил диплом бунгакуси» [Ермакова 2005, с. 261]. В 1973 г. ученый стал первым из удостоенных награды Японского фонда в категории «Иностранные граждане, содействовавшие распространению знаний о Японии и японской культуре среди своих народов».

После смерти супруги 16 марта 1971 г. Елисеев вел довольно замкнутую жизнь. Он скончался воскресным утром 13 апреля 1975 г. в госпитале Бишар (Bichar) в возрасте 86 лет. Сергей Григорьевич Елисеев, русский дворянин, французский гражданин упокоился на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом с Верой Петровной. В 1997 г. там же был похоронен Никита Елисеев. Простой деревянный крест возвышается над их семейной могилой...

Статью памяти учителя, опубликованную в Гарварде, подписали его к тому времени уже широко известные ученики — востоковеды-дальневосточники: Фрэнсис У. Кливз (Cleaves), Эдвин О. Рейшауэр, Дональд Х. Шивли (Shively), Ян Лянь-шэн (Yang Lien-sheng) и Говард С. Хиббетт (Hibbett). Они заверили, что «невозможно сомневаться в глубине его влияния, а также в восхищении и признательности, которые навсегда сохранятся в памяти его многочисленных студентов здесь (в США. — С. М.) и за рубежом» [Harvard University Gazette 1977].

Во Франции имя Сержа Елисеева ассоциируется с созданием научного японоведения и основанием династии востоковедов. В США он остается зачинателем дальневосточных исследований (прежде всего японоведения), создавшим свою научную школу, а также искусным стратегом, который с успехом разрабатывал новые программы академической помощи университетам в странах Азии. Как о легенде, о нем вспоминают в Японии, ведь он был первым европейским студентом — выпускником Императорского Токийского университета

и одним из немногих ученых-неяпонцев, заложивших основы изучения Японии на Западе. В современной России он известен как яркий представитель русского научного зарубежья, который прославил отечество своим многогранным талантом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 1923 — Алексеев В. М. Русское востоковедение за границей. *Восток*. 1923. Кн. 2. С. 132.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Дьяконова 2000 — Дьяконова Е. М. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву 1933–1936. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 144–196.

Дьяконова, Смирнов 2003-2004 — Дьяконова Е. М., Смирнов И. С. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву. *Восток—Запад. Историко-литературный альманах*. Москва: Восточная литература, 2003–2004. С. 28–78.

Елисеев 1914 — Елисеев С. Г. Хи но мото но кунни о сару ни нодзомитэ [Уезжая из Японии]. *Кокоро но хана*. 1914. Т. 18. № 9. С. 30–33.

Елисеев 1920 — Елисеев С. Г. Японская литература. *Литература Востока*. Вып. 2. *Всемирная литература*. Петроград: Гослитиздат. С. 38–89.

Елисеев 2000 — Елисеев С. Г. Японская литература. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 242–284.

Ермакова 2005 — Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. Москва: Языки славянских культур, 2005.

Комия, Абэ, Накамура 1953 — Комия Тоётака, Абэ Ёсисигэ, Накамура Китидзаэмон. *Эрисээфу о какондэ ко:данкай* [Вокруг Елисеева]. *Тосё*. 1953. № 43. С. 17–20.

Личный архив Ярослава Елисеева, Нью-Джерси.

Марахонова 2016 — Марахонова С. И. *Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения*. Санкт-Петербург: СИНЭЛ, 2016.

Мацубара 1977 — Мацубара Сюнуи. *Пэрэ:ру гай но ро:гакуся — Эрисээфу си то катару* [Ученый с улицы Перейр — беседы с Елисеевым]. *Канзэйюцу*. 1977. № 1. С. 140–153.

Умэда 2000 — Умэда Ёсими. Воспоминания о Сергее Елисееве. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 106–107.

Шарье 2000 — Шарье И. Сергей Елисеев и современное японское искусство. *С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам). Материалы международной научной конференции*. Москва: Япония сегодня, 2000. С. 92–105.

Akamatsu 1975 — Akamatsu, P. Nécrologie. Serge Elisséeff (1889–1995). *Journal asiatique*. 1975. T. CCLXIII. Pp. 205–210.

Bernstein 1980 — Bernstein, B. Truman at Potsdam: His secret diary. *Foreign Service Journal*. 1980. July/August. Pp. 29–36. Доступно по адресу: <https://www.documentcloud.org/%20documents/3913511-Truman-s-Potsdam-Diary.html> (дата обращения: 11.05.2020).

Eliseev 1923 — Eliseev S. G. *La Peinture contemporaine au Japon*. Paris: E. de Boccard, 1923.

Elisséeff 1949 — Elisséeff S. G. Études des langues extrême-orientales aux États-Unis pendant la guerre 1941–1945. *Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes. 21–23 juillet 1948*. Paris, 1949. Pp. 258–260.

Harvard University Gazette 1977 — Serge Elisséeff: A Japan Scholar of “Wit, Warmth, Unflagging Zest”. Memorial Minute adopted by the Faculty of Arts and Sciences Harvard University. April 12, 1977. *Harvard University Gazette*. 27 May 1977. Vol. LXXII. № 33.

In Memoriam 1976 — In Memoriam. Serge Elisséeff. *Arts Asiatiques*. 1976. T. XXXII. Pp. 287–288.

McNaughton 1952 — McNaughton J. C. *Nisei linguists. Japanese Americans in the Military Intelligence Service during World War II*. Government Printing Office, 1952.

Pouillon (ed.) 2008 — Pouillon Fr. (ed.). *Dictionnaire des orientalistes de langue français*. Paris: Éditions Karthala, 2008.

Reischauer 1957 — Reischauer E. O. Serge Elisséeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1957. Vol. 20. Pp. 1–35.

Stimson’s diary 1945. — Stimson’s diary. 24 July 1945. Yale University Manuscripts and Archives. *Yale University Library*. <https://imageserver.library.yale.edu/digcoll:4345881/guestcb%20>

83e72b166740349c7cd4cd3d372dd6@yaleguest.edu/of3rrNZmaHmvHFKsi-4HcPydWGDI/1500.jpg?authroot=findit.library.yale.edu&parentfolder=digcoll:4345881&ip=91.108.30.34 (дата обращения: 11.05.2020).

The Edwin O. Reishauer Institute 1996 — *The Edwin O. Reishauer Institute of Japanese Studies. A Twenty-Year Chronicle*. Cambridge (Mass.), 1996.

REFERENCES

Akamatsu, P. (1975). Nécrologie. Serge Elisséeff (1889–1975). *Journal asiatique*. CCLXIII, 205–210. (In French).

Alekseev, V. M. (1923). Russkoye vostokovedeniye za granitsey [Russian Oriental Studies Abroad]. *Vostok*, 2. (In Russian).

Arts Asiatiques (1976). In Memoriam. Serge Elisséeff. *Arts Asiatiques*, Vol. XXXII (pp. 287–288). (In French).

Bernstein, B. (1980). Truman at Potsdam: His secret diary. *Foreign Service Journal*. July/August. (Pp. 29–36). Retrieved on May 11, 2020, from <https://www.documentcloud.org/%20documents/3913511-Truman-s-Potsdam-Diary.html>

Dyakonova, E. M. (2000). Pis'ma S. G. Eliseyeva k V. M. Alekseyevu 1933–1936. [S. G. Elisséeff's letters to V. M. Alekseev 1933–1936]. In S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (*Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam*). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. *Yaponiya segodnya* (pp. 144–196). (In Russian).

Dyakonova, E. M., Smirnov, I. S. (2004). Pis'ma S. G. Eliseyeva k V. M. Alekseyevu 1933–1936. [S. G. Elisséeff's Letters to V. M. Alekseev]. In *Vostok-Zapad. Istoriko-literaturnyi al'manakh 2003–2004*. *Vostochnaya literatura* (pp. 28–78). (In Russian).

Eliseev, S. G. (1914). Hi no moto no kuni wo saru nozomite [Leaving Japan]. *Kokoro no hana*, 18(9), 30–33. (In Japanese).

Eliseev, S. G. (1920). Yaponskaya literatura [The Japanese literature]. In *Literatura Vostoka. II. Vsemirnaya literatura* (The Literature of the East. Vol. II. World Literature) (pp. 38–89). Goslitizdat. (In Russian).

Eliseev, S. G. (1923). *La Peinture contemporaine au Japon*. E. de Boccard. (In French).

Elisséeff, S. G. (1949). Études des langues extrême-orientales aux États-Unis pendant la guerre 1941–1945. In *Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes. 21–23 juillet 1948*. (pp. 258–260). Paris. (In French).

Elisséeff, S. G. (2000). Yaponskaya literatura [Japanese literature]. In S. G. Eliseev *i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya (pp. 242–284). (In Russian).

Ermakova, L. M. (2005). *Vesti o Yapan-ostrove v starodavney Rossii i drugoye* [The Information about Japan Island in Old Russia and Other]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Komiya T., Abe Y. & Nakamura K. (1953). Eriseefu wo kakonde kōdankai [Around Eliseev]. *Tosho*, 43, 17–20. (In Japanese).

Marakhonova, S. I. (2016). *Orden Syvashchennogo sokrovishcha Sergeya Eliseyeva. Kak syn russkogo kuptsa stal osnovatelem amerikanskogo yaponovedeniya* [Sergei Eliseev's Order of Sacred Treasure. How a Russian Merchant's Son Turned to be the Founder of American Japanology]. Sinel. (In Russian).

Matsubara, S. (1977). Perēru gai no rōgakusha — Eriseefu shi to kataru [The Scholar from Pereire Street – Talks with Eliseev]. *Kangeiyutsu*, 1, 140–153. (In Japanese).

McNaughton, J. C. (1952). *Nisei linguists. Japanese Americans in the Military Intelligence Service during World War II*. Government Printing Office.

Pouillon, Fr. (ed.) (2008). *Dictionnaire des orientalistes de langue français*. Éditions Karthala. (In French).

Reischauer E. O. (1957). Serge Elisséeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 20, 1–35.

Serge Elisséeff: A Japan Scholar of “Wit, Warmth, Unflagging Zest”. Memorial Minute adopted by the Faculty of Arts and Sciences Harvard University. April 12, 1977 (1977, May 27). *Harvard University Gazette*, Vol. LXXII, 33.

Sharie, I. (2000). Sergey Eliseev i sovremennoye yaponskoye iskusstvo [Serge Elisséeff and Modern Japanese Art]. In S. G. Eliseev *i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya. (pp. 92-105). (In Russian).

The Edwin O. Reishauer Institute of Japanese Studies (1996). *A Twenty-Year Chronicle*. Cambridge (Mass.).

Umeda, Y. (2000). Vospominaniya o Sergeye Eliseyevе [Reminiscences of Serge Elisséeff]. In *S. G. Eliseev i mirovoye yaponovedeniye (Rossiya, Yaponiya, SShA, Frantsiya, Shvetsiya, V'yetnam). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [S. G. Eliseev and Global Japanese Studies (Russia, Japan, USA, France, Sweden, Vietnam). Proceedings of the International Scientific Conference]. Yaponiya segodnya. (Pp. 106–107). (In Russian).

Yale University (1945, July 24). *Stimson's diary*. Yale University Library. Manuscripts and Archives. Retrieved May 11, 2020, from <https://imageserver.library.yale.edu/digcoll:4345881/guestcb%2083e72b166740349c7cd4cd3d372dd6@yaleguest.edu/of3rrNZmaHmvHFKsi-4HcPydWGDI/1500.jpe?authroot=findit.library.yale.edu&parentfolder=digcoll:4345881&ip=91.108.30.34>.